

А
Аксютин Ю.В.,
доцент кафедры новейшей
истории России

Московского педагогического университета

Общественные настроения в СССР (1953 - 1982 гг.)

Общественные настроения в СССР до самого последнего времени мало привлекали внимание историков. Считалось, что они полностью или почти полностью совпадают с общественным мнением, формируемым с помощью средств массовой информации и агитационно-пропагандистского аппарата. Даже сводные сведения об откликах населения на те или иные события, поступавшие в ЦК КПСС с мест и от силовых органов, строились по заранее заданной схеме: трудящиеся единодушно одобряют действия властей, но наряду с этим «имеют место отдельные случаи нездоровых, а порой и враждебных проявлений».

Много интересного об общественных настроениях можно почерпнуть из ставших достоянием гласности материалов дневникового и мемориального характера. Однако, оставаясь по сути своей сугубо субъективными, они свидетельствуют лишь о том, что какое-то мнение было, высказывалось, даже обсуждалось, но не о том, насколько было распространено и разделялось другими людьми.

Чтобы как-то восполнить этот недостаток источниковой базы, на факультете истории, политологии и права Московского педагогического университета был предпринят сбор массовых устных свидетельств и оценок. По определённой методике в 1994 - 2006 годах был проведён опрос полутора тысяч человек (своих родителей, близких и дальних родственников, просто знакомых, и даже случайных встречных), помнящих о событиях той эпохи. Рассказы этих людей, а главное высказанное ими личное отношение к тому или иному событию, к тому или иному политическому лидеру, дали возможность и некоторые основания для того, чтобы попытаться выявить количественные оценки различных секторов спектра политических настроений и предпочтений времён «оттепели» и «застоя», проследить динамику популярности Хрущёва и Брежнева.

Да, конечно, устная история собирает наподобие пылесоса всё и без всякого разбора. Как и любые воспоминания о прошлом, устные свидетельства носят не очень-то надёжный характер. Они часто не точны в силу ограниченных возможностей человеческой памяти и в значительной мере окрашены сегодняшним отношением к прошлому. Но ведь и официальные документы можно считать объективными с большой натяжкой. Между тем сбор и количественная обработка устных воспоминаний помогает спуститься до уровня «молчаливого большинства», дать слово тем слоям и категориям советского общества, о пристрастиях и настроениях которых трудно получить полное и объективное представление из всех прочих источников. В этом и заключается в значительной мере новизна данного исследования.

Данный доклад не претендует на то, чтобы ответить на все вопросы, касающиеся общественно-политической жизни страны в 1953-1982 годах.

Каждая из тем, в нём затронутых, может быть предметом специального исследования. Но общее представление о поставленных проблемах из него можно вынести, а, следовательно, доклад этот можно рассматривать как одну из попыток изучения общественно-политической жизни советского общества,

Смерть Сталина 5 марта 1953 года восприняли болезненно, с болью в сердце, печально, горестно, подавленно, скорбели об утрате 45 % опрошенных. Испытали потрясение, были угнетены, испытывали тревогу, страх и даже ужас ещё 9 %. Восприняли как трагедию, как невыносимую утрату ещё 7 %. Употребляли при ответе на вопрос такие слова, как «всеобщее горе» и «всенародная скорбь, не раскрывая своего собственного отношения, 16 %. Отмечали, что многие или даже все плакали 16 %. Плакали и даже рыдали сами 13 %. Испытывали растерянность; не представляли себе, как же теперь без него; боялись за будущее 12 %.

Неизбывного горя не испытывали, особенно не расстраивались, без всяких эмоций отнеслись к происшедшему, а если и соболезновали, то не очень почти 6 % опрошенных. Сложные чувства и неоднозначное отношение испытал около 1 % опрошенных. Ощущение грядущих перемен к лучшему или даже радость испытывал около 3 %.

Иными на фоне такого единодушия были мнения относительно **нового лидера**, которому было вручено сталинское наследство. На вопрос, кто «обладал наибольшими способностями и наибольшим правом руководить страной»,

Маленкову отдали предпочтение 40 % опрошенных. «Его портрет был помещён на первой газетной полосе» сразу же после похорон Сталина, - объясняла свой выбор школьница Г.Н.Щербакова из деревни Бёхово в Заокском районе Тульской области. За человека, близкого к Ленину, принимала его работница дорожно-эксплуатационного участка в Балашихе А.И.Яковлева. Всегда доверял выбору и решениям власти рабочий Кузнецкого металлургического комбината С.Ф.Пономарёв¹. Но многие (а это половина тех, кто дал мотивированный ответ) свой тогдашний выбор путают с последующей сугубо положительной оценкой действий Маленкова на посту главы правительства.

Молотов оказался предпочтительнее для почти 20 % опрошенных. Его знали больше других, - утверждал студент Московского авиационного института А.В.Анисимов. Он был «более известен, чем Маленков», - говорил и колхозник Н.А.Куликов из деревни Кулиши в Орловской области. Вторым после Сталина человеком продолжал считать его мастер Трёхгорной мануфактуры в Москве Н.Т.Неверов. Наиболее образованным (знал 8 иностранных языков) считал его военнослужащий из военно-морской базы Поркалла-Удд А.Н.Степанов².

В своих симпатиях к Берии признались около 3 % опрошенных, к Хрущёву и Булганину - ещё по 1 %

Никому не отдали предпочтение 26 % опрошенных. «После сильной личности Сталина никто не мог заменить его», - была уверена продавщица О.Г.Михайлова из Нерчинска. Всех терпеть не мог бывший дворянин С.Н.Гук³. Среди них были и такие, кто не задумывались, не вникали, у кого не было своего мнения, кому было всё равно. Их оказалось почти 9 %. «Считали, что "наверху" сами разберутся», - вспоминала А.П.Смирнова, жена офицера из в/ч 12122 в подмосковном посёлке Заря. «Какая разница?»